

Глава 1

Он бывал в этом книжном магазине раз в неделю — не чаще. Это давно уже превратилось в традицию — обойти любимые отделы, бегло оглядеть полки, рассмотреть новинки... Если он что-то и покупал, то чаще всего в подарок. Матери — детектив, сестре — какой-нибудь роман на английском — та училась на переводчика. Трехлетнему племяннику Алеше — какую-нибудь яркую книжку, желательно с картонными страницами, чтобы труднее было порвать. Себе самому он редко делал подарки — книг в квартире скопилось столько, что думать следовало не о новых стеллажах для библиотеки, а о новой квартире.

В отделе подписных изданий у него была знакомая продавщица Таня — хрупкая блондинка с вечно разочарованными серыми глазами. Насчет ее возраста он колебался, но предполагал, что ей уже немного за тридцать. Скорее всего, они ровесники. И она тоже живет одна — это Олег знал точно, Таня сама как-то сказала. Наверное, девушка рассчитывала, что после такого заявления он проявит к ней мужской интерес, но он пропустил это заявление мимо ушей. Впрочем, она не обиделась.

— А, здравствуйте! — приветствовала она старого знакомого. — Вышел ваш маркиз де Сад. Еще два тома — какой-то роман.

Он перелистал книги и решил взять. Таня кривовато улыбалась, разглядывая у него через плечо иллюстрации.

— Разве интересно? — спросила она наконец.

— Ну конечно.

— А по-моему, чепуха. Я пробовала читать... И что все говорят — маркиз де Сад, маркиз де Сад! Ничего особенного.

Олег засмеялся и посоветовал ей меньше смотреть телевизор. После него все кажется пресным. Но Таня его уже не слушала. Она смотрела куда-то в сторону, и он вдруг заметил, что девушка вся как-то подобралась, будто кошка, заметившая мышь.

— Воруют? — он понизил голос.

Таня как-то пожаловалась, что, несмотря на все меры предосторожности, у них в магазине пропадает очень много книг. Для опытных воров защитная маркировка не представляет никакой трудности. Они просто сдирают ее — пилкой для ногтей, ножичком, а кто и просто острыми ногтями. И хотя охрана на выходе иногда просит предъявить чеки на купленные книги, это никакого эффекта не дает. Всех покупателей не проверишь...

— Нет, эта не ворует, — шепнула Таня. — Она по другой части... Нет, вы посмотрите только!

И, ничего не объясняя, бросила Олега и решительно направилась к высокой худошавой женщине в черном пальто. Та стояла спиной к ним, у дальних полок, и листала какой-то раззолоченный томик. Таня остановилась у нее за спиной, дождалась, когда женщина поставит том на полку, и демонстративно извлекла его обратно. Быстро перелистала книгу, достала оттуда какой-то листочек

Ночь опасна

размером с визитную карточку и резко, со стуком вернула книгу на полку.

Женщина следила за ней с каким-то странным видом — не то жалобным, не то укоризненным. Олег встретился с ней взглядом. Приятное лицо, гладкая прическа, никакой косметики. Белый меховой воротник придает ей нечто наивное, детское. Женщине около сорока — на первый взгляд... Одета прилично. Не воровка, но тогда кто же?

— Натe, почитайте! — Таня раздраженно сунула ему в руки листок из книги. — Чего они только не придумают!

Это и впрямь оказалась визитная карточка, напечатанная с помощью ксерокса на тонкой дешевой бумаге. Всем желающим предлагалось пройти на дому у опытного преподавателя курсы дикции и улучшить свое произношение. Номер московского телефона. Никакого имени.

— Она всегда кладет свои бумажки в русских классиков, — с возмущением добавила Таня. Женщина в черном пальто давно уже покинула отдел, но Олег все еще ощущал на себе ее умоляющий, покорный взгляд.

Он положил карточку в карман:

— Ну что ж, это логично. Она же учит правильному русскому языку.

— По-вашему, это логично и правильно? — возмутилась Таня. — Все книги перероеет, все переставит, перепутает, а покупатели потом находят вот это...

— Неужели жалуются?

— Да нет, — девушка немного остыла. Таня всегда была готова возмутиться, но при этом быстро успокаивалась. — Просто меня это раздражает. Вы себе не представляете, сколько тут всяких ненормальных! Мы их уже всех в лицо знаем!

Подтверждая свои слова, она указала Олегу на полного мужчину в потрепанной зеленой куртке. Тот, ничуть не скрываясь, стоял рядом с ними и сосредоточенно читал

какую-то книгу. Аккуратно дочитав страницу до конца, он со вздохом закрыл том, поставил его на полку и записал что-то в маленький блокнотик. После чего, не подходя к кассе, покинул отдел.

— Это он записывает страницу, на которой закончил читать, — пояснила Таня. — Приходит каждый день и читает здесь. Страниц по тридцать прочитывает — хоть ты тресни! До трех часов он у меня, потом идет в другой отдел. Я намекала ему, что у нас магазин, а не читальня, но он же меня не слушает!

— Читать запрещено?

— Перегибать книги запрещено! — возмутилась она. — Книга же вида не имеет, если ее почитали! Так и будет на полке стоять — для него, любимого... И с визитками еще ходят — по крайней мере, двое. Только я их поймать пока не могу. Визитки нахожу, а их в лицо не знаю. Одна сует про тантрический секс — вы представляете? Ну, эта трогает только восточную литературу. А есть еще кто-то — тот машинописные работы предлагает, дипломы.

— Да у вас тут целая масонская ложа! — пошутил Олег.

Шутка Тане не понравилась. Она мрачно сказала, что у них тут прежде всего магазин. Народу толчется много, а чтобы росли продажи — пока что-то не видно. Люди приходят, смотрят и уходят.

— А есть и вовсе психи, — обиженно сказала она. Было видно, что девушка воспринимает все досадные мелочи очень близко к сердцу — может быть, поэтому ее глаза всегда смотрели так разочарованно. — Например, когда у нас встреча с писателями — психи прямо в очередь становятся. Один ходит с открыткой. Что там написано — никто прочитать не может, но адрес — генеральный прокурор России. Просит всех, чтобы подписали открытку. Ко мне тоже обращался...

Ночь опасна

— Вы подписали?

— Ага! — неожиданно призналась Таня. — Так, для хохмы. Он просто обалдел! Есть такие, которые тут пытаются собственные книги продавать, а есть, которые к писателям пристают, ругаются... Кого только нет! Я здесь, чтобы книги продавать, а мне приходится возиться с этим дурдомом...

Олег посмотрел на часы. Он уже опаздывал — точнее, опоздал. Наступил час пик, значит, на машину рассчитывать нечего, обязательно застрянешь в пробке... Нужно ехать на метро, а это — две пересадки... Он попрощался с девушкой, наспех схватил какой-то детектив — для мамы — и торопливо ушел.

Нина отменила уже два свидания — причем подряд. Такого еще не бывало, а ведь они встречались больше года. Можно было строить какие угодно предположения — у нее, в самом деле, возникли срочные дела... Что-то случилось дома — заболел ребенок, например, или приехали родственники, или испортилась сантехника... Но раньше, если случалось нечто подобное, Нина всегда звонила ему заранее — хотя бы за полчаса до встречи. И тут же, по телефону, назначала новое время. А теперь...

И вчера, и позавчера он ждал ее в кафе, где они обычно встречались. Это было маленькое, уютное кафе, всего в несколько столиков, в одном из переулков возле Страстного бульвара. Они давно стали здесь постоянными клиентами. Олег обычно приходил первый, а спустя полчаса появлялась она — румяная, задыхающаяся от быстрой ходьбы, — Нина всегда опаздывала и торопилась. Она бросала сумку на свободный стул, усаживалась напротив Олега и радостно протягивала ему руки — ладонями кверху, будто ожидая сразу двух подарков. Если у нее было время, они почти сразу отправлялись к нему домой — Олег жил неподалеку. Но если Нина спешила — а это бывало часто, — они

просто проводили полчаса в кафе, пили коньяк и обменивались новостями. Хотя бы несколько минут у нее всегда находилось... Но позавчера, когда он прождал ее в кафе почти час, она вдруг позвонила ему на мобильный телефон и упавшим голосом извинилась. Сказала, что находится на другом конце города. Срочное дело, ничего нельзя было предвидеть... Нет, сегодня никак не получится. Может быть, завтра? В то же время. Но и на другой день повторилось то же самое — с точностью до мелочей. Час пустого ожидания, две чашки кофе, и ее звонок. На этот раз она говорила так неуверенно, будто заранее знала — он уже не очень ей верит. Опять срочное дело... Да, связано с работой. Она даже не думала, что так задержится, а теперь уже поздно... Ничего не выйдет. Может быть, завтра? То же место, то же время... Пока!

Она ничего не объясняла — да и каких объяснений он мог требовать? С того самого дня, как они познакомились, Нина дала понять, что терпеть не может оправдываться. Никто не имеет права читать ей мораль и чего-то требовать. Ни ее друзья, ни супруг, ни родители... Это единственное, чего она никому не прощает. Тогда это звучало забавно — да и Нина улыбалась, говоря об этом. Сейчас, когда Олегу в самом деле нужны были объяснения, было как-то не до смеха.

«Но во всяком случае, она должна понимать, что три раза подряд — это уж слишком! — подумал он, сворачивая в знакомый переулок. Он пришел вовремя. — Если не придет сегодня, ей все-таки придется что-то объяснить. Мы взрослые люди, и если она решила со мной порвать — пусть скажет прямо... А то что это за детские увертки, в самом деле...»

Ее не было — хватило одного взгляда, чтобы в этом убедиться. Он взял обычный набор — коньяк, кофе без сахара. Достал из кармана сложенную газету, закурил. Дал

НОЧЬ ОПАСНА

себе слово не смотреть на часы — по крайней мере, слишком часто...

Нина позвонила через полчаса. Услышав ее голос — такой ясный, будто она сидела за столиком, Олег с трудом сдержался. Ему хотелось сказать что-нибудь язвительное — например, спросить, не перепутал ли он время? Может быть, они должны были встретиться завтра?

Но она заговорила так устало и грустно, что у него не хватило духу иронизировать.

— Ничего не получается, — сказала Нина. — Ради бога, прости.

— Случилось что-то серьезное?

— Да... Нет.

Она говорила как-то странно — уклончиво, будто с чужим человеком. Никогда он не слышал у нее такого голоса. Ему очень нравилась в Нине именно ее жизнерадостность — эта женщина почти все время улыбалась, шутила, представить ее усталой, раздраженной или плачущей он просто не мог. Олег давно заметил, что рядом с нею и другие люди начинали улыбаться — совершенно бессознательно. Ее оптимизм был так заразителен! А теперь от него и следа не осталось. Нина еле слышно предложила перенести встречу на другое время...

— На завтра? — переспросил Олег. Без иронии, уже с тревогой. Что-то случилось, а она не желает откровенничать.

— Нет... Завтра может быть то же самое.

— Нина, что происходит? Я ведь могу помочь!

— Нет-нет, ничего страшного, — перебила женщина. — Я бы попросила тебя помочь, но сейчас просто не нужно!

— Что-то с ребенком?

— Нет, Дианка здорова.

— С... мужем? — Он сделал паузу. О ее супруге они почти никогда не говорили. Запретная тема — да и к чему ее обсуждать? Нина как-то прямо сказала, что дорожит своей семьей и пусть Олег не обижается. Если их связь аморальна — то, во всяком случае, здесь только ее вина. И ревность тут неуместна. Если кто и должен ревновать — то это ее муж. А он все знает — не может не знать. Но молчит.

— Нет, все в полном порядке. — Нина помедлила. — Только, пожалуйста, не думай, что я хочу от тебя избавиться.

— Я и не думаю. Ты бы так и сказала.

Она как будто удивилась:

— Да, ты думаешь? Наверное... Знаешь, я сейчас тороплюсь и просто не могу сообразить, когда у меня будет время. Давай я тебе перезвоню, чуть попозже?

— Завтра?

— Может быть, сегодня.

И снова этот уклончивый, странный тон. Олегу показалось, что где-то на заднем плане он слышит еще чей-то голос. Мужской. Мужчина говорил очень быстро, и скорее всего, это было радио или телевизор. Она звонит из машины или из дома.

И тут он испытал приступ самолюбия. Отменялась третья подряд встреча, а четвертая была под большим вопросом. Она даже не знает, когда ему позвонит. Ничего не обещает. Впрочем, она никогда ничего и не обещала. Вот уже год он жил по ее графику — являлся на свидания, когда у нее было время, звонил, когда она разрешала, ни о чем не спрашивал, ничего не просил. Собственно говоря, чего ради? Год назад ради Нины он расстался с другой женщиной — а ведь все считали, что они в конце концов поженятся. С той все было с точностью до наоборот — это она к нему подстраивалась, боялась задавать вопросы и дик-

Ночь опасна

товать условия. Мало-помалу он начал ее за это презирать. Потом перестал выносить. Что сейчас происходит с Ниной?

— Завтра я не смогу, я уеду, — твердо сказал он. — Возможно, на неделю.

Молчание в трубке. Тихий вопрос — куда он едет?

— За пределы области. В другой город.

— Ты не говорил об этом...

— Иначе ты бы сегодня пришла?

Пауза. Нина вздохнула:

— Ты обязательно хочешь встретиться сегодня? Я освобожусь поздно. Может быть, в полночь. И буду уже совсем никакая.

Олег ответил, что полночь — хорошее время. Правда, это кафе закроется, но они могут пойти куда-нибудь еще. В районе Мясницкой всегда можно куда-нибудь попасть. И в этот час еще не поздно заказать столик в ресторане.

Она поколебалась и неожиданно согласилась:

— Ладно, в полночь, если ты уезжаешь. В самом деле, нужно бы поговорить. Только давай не в кафе? У меня будет мало времени.

— Так что — на улице?

Нина задумалась и наконец сказала, что удобнее всего будет увидеться в районе Чистых прудов. Можно даже на берегу пруда, на лавочке — напротив того ресторана, где они бывали полгода назад. А потом они просто посидят у него в машине и поговорят. И он отвезет ее домой, договорились?

Нажимая кнопку отбоя, он подумал, что Нина все-таки незаурядная женщина. Ну кто еще назначил бы ему свидание в полночь, на улице, да еще в такую погоду? Ведь с часу на час пойдет снег. Она просит отвезти ее домой — значит, будет не на машине. Машина только у ее мужа,

а сама Нина садится за руль очень редко и водит плохо. Значит, она придет пешком или приедет на такси.

Впрочем, придет ли? Он допил коньяк и подумал, что ждать в теплом кафе — одно дело, и совсем другое — мерзнуть ночью на берегу пруда, рискуя назавтра свалиться с ангиной. Но если она опять его обманет — это будет уже в последний раз. Всему есть предел.

* * *

Ноябрь, деревья на бульваре оголились. Истоптанные газоны покрыты ледяной коркой, на дорожке — затвердевшие к ночи лужи. Он ступал осторожно, чтобы не поскользнуться. Здесь было темно, область света кончалась за чугунной оградой. Там даже в этот час было движение, какая-то жизнь. Грузно, медленно прогрохотал трамвай — поздние пассажиры сидели отчужденно и неподвижно, как восковые куклы. Горели неоновые рекламы ресторанчиков — их тут было особенно много. По тротуару двигался парень с овчаркой на длинном поводке. В какой-то момент они поравнялись — парень там, на свету, он здесь, во тьме. И Олегу приятно было знать, что тот его не видит, тогда как сам виден превосходно. А если парень что-то и разглядит, то это будет всего лишь силуэт в пальто. Без лица, без возраста и примет. Кроме него на дорожке никого не было. Он обернулся к началу бульвара и убедился — никого. Только черный силуэт памятника — далеко, у метро. Там он оставил свою машину — специально, чтобы Нина прошла с ним весь обратный путь. У них будет время поговорить — все-таки это совсем не то, что за рулем. Конечно, если она все-таки придет, не испугавшись времени и места.

Нина должна ждать его дальше — там, где морщился на ветру оранжево-черный ночной пруд. Олег прибавил шагу, начиная различать фигуру, сидящую на одной из

Ночь опасна

скамеек. Как будто она. Голова опущена, подбородок зарылся в меховой воротник. Сумка стоит на земле — как будто совсем не нужна хозяйке. Ему пришлось подойти вплотную, чтобы убедиться — эту женщину он не знает. Олег даже хотел извиниться — чего доброго, решит, что к ней пристают.

Но она сидела так смиренно, удивительно спокойно на резком ледяном ветру. Как будто спала с открытыми глазами — такими же оранжево-черными, как и вода в пруду от света фонарей. Он все-таки извинился — она не ответила. Ветер взъерошил ее белый меховой воротник, и вот тут он заметил тонкую, уже запекшуюся струйку крови, перечеркнувшую круглый подбородок.

«Помада... — подумал он. Мысли были странные, текучие, будто во сне. — Размазалась помада». Но помады на губах у этой женщины не было. Прямой застывший взгляд, тщательно приглаженные темные волосы. На ветру метался и бился отделившийся от пробора одинокий волосок. Хотелось протянуть руку и успокоить его, раз уж сама хозяйка...

«Да ведь она мертва!» Олег выпрямился и огляделся по сторонам. Никого, черт возьми! Некого позвать на помощь! Что делать? Выскочить на проезжую часть и голосовать машинам? Бежать в ближайший ресторанчик? Уже за полночь, машин все меньше. Ближайшую милицейскую машину можно найти у метро, а отсюда туда минут десять — и то бегом. Если бросить эту женщину, с ней может что-нибудь случиться.

«С ней уже ничего не случится, — раздавшийся в голове голос был неожиданно спокойным и ироничным. — Она ведь умерла. Самое большее — могут украсть ее сумку и освободить от пальто. И все-таки лучше далеко не отходить. Где Нина? Это она должна была прийти сюда!»

И тут, немного успокоившись, он понял, что нужно делать. Достал телефон и набрал номер. Вызвал патруль,